

Глава 1

Адриан

— Я твоя на постоянной основе. Больше никакого цирка и сопротивления. Ты купил меня, мистер Батлер, — Эмилия произносит слова, которые я жаждал услышать, затеяв этот театр абсурда. Уверенно, в меру смиренно, но не опуская головы, не разрывая состязания взглядов. Красивая, покорная, обнаженная и невыносимо сексуальная, полностью в моей власти, на моей территории и готовая играть по моим правилам. Можно начинать пировать и пользоваться всем, что вижу сейчас перед собой. Эмилия отступает на шаг назад, и я не делаю попытку удержать горячку. Зачем? Ее трусики в моем кармане, ее тело в моей личной собственности. Только в моей. На полгода. Кастрирую любого, кто приблизится. Не знаю, почему для меня это так важно. Пару часов назад я был готов порвать на части обоих Демидовых от гадкого предположения, которое пришло в голову после слов упившегося в хлам мажора о том, что его отец лично оценил задницу Гордеевой.

Черт, Батлер, когда ты успел стать таким собственником?

Это не твое гребаное дело, с кем спала горячка до тебя.

Нет, черт дери, мое! Мое! Потому что она и после меня раздвигала ноги для своего тупого женишка. Собиралась за него замуж, планировала детей, дом, семью, целую гребаную жизнь, где Адриану Батлеру досталось место постыдного скелета в шкафу, мимолетного курортного приключения и главного злодея, которого можно угостить вином с транквилизаторами, чтобы в очередной раз посмеяться и щелкнуть по носу.

Не на того напала, детка. Я сравняю счет и оставлю тебя далеко позади.

Ее ошибка в том, что она слишком поздно увидела во мне достойного соперника. Первое впечатление неизгладимо. Круизный лайнер, долгожданный отпуск, легкомысленный бармен, легкий алкоголь, солнечный зной...

«Просто секс».

«Просто трахни меня, и все».

Но, увы, детка, просто не получилось.

В свете моих размышлений ее следующий вопрос звучит двусмысленно.

— Надеюсь, ты доволен приобретением? — Все-таки Гордеева не способна усмирить свой дерзкий язык, а я слишком измучен и зол, чтобы подыгрывать, но, как ни странно, делаю именно это.

— Мне нужно получше рассмотреть, чтобы принять окончательное решение, — я не шевелюсь, пожирая взглядом совершенное тело: изящную линию шеи, расправленные плечи, красивую высокую грудь с малиновыми сосками, выступающие ключицы, тонкие запястья, плоский живот, осиную талию, точеные бедра, длинные ноги, изящные щиколотки, маленькие, словно у Золушки, ступни с крошечными пальчиками и перламутровыми ноготками.

Да, я однозначно доволен приобретением, и мне не терпится перейти от официальных вопросов к горизонтальным позициям.

— Раздвинь ножки, детка. Ты спрятала самое интересное, — низким голосом требую я.

Гордеева приподнимает подбородок, откидывая за спину темную копну шелковистых волос. Я помню, как собирал их на затылке и накручивал на кулак, мощно вбиваясь сзади; помню, как она бесстыже прогибалась и громко стонала и какой чертовски узкой и неопытной казалась.

— Так достаточно широко, мистер Батлер? — с едкой иронией спрашивает Эмилия, расставляя ноги.

Мой взгляд беспрепятственно впивается в неприкрытую бельем промежность. Какое-то время я жадно рассматриваю аккуратные розовые складочки, гладко выбритые и нежные, вспоминая, каково это — находиться внутри, двигаться жестко и неудержимо, ощущая тугие горячие тиски ее сокращающихся мышц, рычать от острого удовольствия, мощно кончать и начи-

нать сначала, не дав нам обоим отдышаться. К слову, действие препаратов, которыми меня опоила Гордеева, выветрилось пару часов назад, но ей не обязательно знать о том, что я хочу ее до звона в яйцах.

— Что я еще могу сделать для тебя, Адриан? — с придыханием интересуется хитрая бестия. Она переигрывает и слишком сильно старается выглядеть невозмутимой и равнодушной. Я поднимаю тяжелый взгляд к ее лицу.

— Почему я не верю тебе, детка? — думаю вслух, всматриваясь в застывшие черты и остекленевшие глаза, в которых притаились тьма и горечь. Проигрывать всегда неприятно, горько, а иногда и мучительно больно. Я знаю это, как никто другой. Неоднократно испытывал на собственной шкуре. *Мне приходилось отступать, принимая поражение, но я делал это исключительно для того, чтобы провести передислокацию сил и спланировать следующий ход.* Наверное, поэтому так четко ощущаю фальшь и наигранность.

Гордеева не смирилась, она взяла тайм-аут.

А я собираюсь взять ее.

Но не сразу. Не сейчас. Не так, чтобы ей было проще и легче ненавидеть меня.

Эмилия заслужила наказание, но оно будет не таким, как она представляет. Принуждение, физическое насилие, осознанная жестокость — не те инструменты, которые подходят для дрессировки стержневых самоуверенных сучек вроде Гордеевой. Я начну с того, чем Эмилия дорожит больше всего, и, когда закончу, она сама протянет мне поводок.

— Придется постараться, малышка, — и снова мысли вслух.

Гордячка насмешливо вскидывает бровь.

— Хочешь сказать, тебе нужна помощь, Эйд? — ее голос сочится неприкрытой иронией и злорадством. — Может, подождем, когда само заработает? — Не дождавшись ответа, Эмилия отступает назад и грациозно опускается упругой задницей на кровать. Слегка откидывается назад, опираясь на ладони, и тем самым притягивает мое внимание к своим упругим маленьким сиськам с торчащими сосками.

— Я не люблю ждать, детка, — озвучиваю немаловажный факт, с которым ей придется считаться в будущем. — Не пере-

ношу, когда кто-то мешает моим планам, — неторопливо приближаюсь к ней и останавливаюсь, когда между нами остается пара шагов. Ей приходится запрокинуть голову, чтобы видеть мои глаза и выражение лица. Она безуспешно пытается читать меня, гадая, что я сделаю дальше. Самоуверенная маска хладнокровной стервы трещит и осыпается, показывая испуганную девчонку, которую я уже видел в каюте лайнера.

Под собой.

Трусиха ты, детка.

Сейчас Эмилия находится в идеальной позиции. Мне чертовски нравится этот ракурс. Нравится смотреть на нее сверху вниз и остро ощущать внутреннюю борьбу, которую она ведет с самой собой. Полные губы подрагивают, дыхание срывается, зрачки расширены. Уязвимая, напуганная, загнанная в угол нашим соглашением, но слишком гордая, чтобы показать свою слабость и умолять об отсрочке.

— Не люблю, когда голая женщина в моей постели болтает, а не занимается прямыми обязанностями, — продолжаю я севшим голосом. — Не люблю, когда кто-то ставит под сомнение мои сексуальные способности. И я не выношу, когда меня дурят, девочка. Мама учила тебя, что играть с огнем опасно?

— Моя мама умерла, — произносит она тихо.

— А у меня ее никогда не было, но я как-то выжил, и ты сможешь, — хладнокровно отвечаю я, приподнимая пальцами ее подбородок.

— Обычно в таких случаях выражают соболезнования, — Эмилия заметно напрягается, глядя на меня с немым укором. Воспитывать меня вздумала, дурочка.

— У нас необычные отношения, — говорю я, скользнув большим пальцем по ее нижней губе. — Я не умею соболезновать, детка. Мне довелось хоронить только собственные наивные иллюзии. И я по ним не скучаю. Нисколько.

— Значит, тебе повезло, Эйд, — в темных глазах снова вспыхивает злость.

— Я бы так не сказал, Эми.

— Я бы хотела, чтобы ты называл меня полным именем. — Она сжимает губы, когда я пытаюсь протолкнуть палец в ее рот.

В моем жесте нет сексуального подтекста. Просто хочу, чтобы она наконец заткнулась.

— Мы уже выяснили, что твои желания здесь не учитываются, — небрежным тоном напоминаю я и опускаюсь коленями на пол, выравнивая наши позиции. — Если только они не совпадают с моими.

Гордячка вздрагивает всем телом, когда мои ладони уверенно ложатся на ее бедра.

— Этого никогда не случится, — не слишком убедительно протестует Эмилия.

— Посмотрим, детка, — небрежно бросаю я, ленивыми неторопливыми движениями поглаживая плотно сжатые ножки. Ее кожа теплая, бархатисто-нежная, вся покрывается мелкими мурашками от легких прикосновений моих ладоней. Вишневые глаза настороженно смотрят в мои, губы приоткрываются, потому что гордячке вдруг становится мало воздуха.

— Ты очень красивая, Эми, — приглушенно говорю я, не прекращая расслабляющих прикосновений. — И это не банальный комплимент. Я редко встречал по-настоящему красивых женщин. Ты одна из них. — Она хмурит брови, не желая быть «одной из», но так уж устроен мир. Никто не оригинален. Даже я. — Твоя красота прячется от назойливых глаз и выстреливает не сразу, словно ты намеренно скрываешься в своем удобном мирке. Ты наверняка проходила различного рода курсы личностного роста и саморазвития и из краткой теории психологии знаешь, как просто стать невидимкой, обладая идеальной внешностью. Все, что ты транслируешь, находится здесь, детка, — я дотрагиваюсь указательным пальцем до ее виска и невесомо веду им вниз по щеке, обвожу скулы, рисую контур на горячих сухих губах, поглаживаю пульсирующую венку на тонкой шее. — Твоя сексуальность у тебя в голове, и, если ты перестанешь сдерживать природные инстинкты, я покажу, насколько чувственной ты можешь быть. — Эмилия задерживает дыхание, когда я беспрепятственно раздвигаю ее колени и придвигаюсь ближе. — Знаешь, почему я запал на тебя, Эми?

Она отрицательно качает головой. Черные зрачки сливаются с радужкой, и я вижу в них свое отражение. Мои пальцы ласково пробегают по ее позвоночнику, ладони скользят по напряженной

спине, поднимаются к плечам и бесконечно медленно сползают к ягодицам, несильно сминают и снова устремляются вверх, перемещаются на талию, разглаживая натянутые мышцы.

— Потому что ты этого захотела. — На щеках и плечах Эмилии вспыхивают яркие пятна, в затуманенных глазах проскальзывает несогласие. — Поверь, детка, очень мало мужчин будут пытаться заполучить в свою постель женщину, которая не хочет секса. Существует осознанное, явное влечение, согласованное с разумом, логикой и чувствами, а есть подсознательное, скрытое, неправильное, непредсказуемое, неконтролируемое и поэтому пугающее. Ты можешь возражать, но я говорю сейчас не с твоим разумом.

— Ты сумасшедший, да? — шумно выдыхает Эмилия, втягивая мышцы живота, когда на него переключаются мои осторожные пальцы.

— Ты можешь думать, что угодно, Эми, — шепчу я, чувствуя, как покрываюсь испариной от каменного напряжения в штанах. Предательские капли пота выделяются на лбу и висках. Мышцы сводит от бездействия. — Выстраивай любые теории в своей голове, а тело оставь мне. — Голодным взглядом обжигаю налившуюся вздымающуюся грудь с крошечными твердыми горошинками. Склонив голову, я поочередно обвожу нежные ореолы кончиком языка, жалю и дразню затвердевшие вершинки. Эмилия сдавленно всхлипывает и пахнет точно так же, как я запомнил. Цитрусовые нотки духов и пряного возбуждения, мгновенно посылающие в мой мозг десятки горячих картинок с обилием эротических поз, в которые я буду сегодня пробовать свое «приобретение».

— Сожрать хочу тебя, детка, — хрипло бормочу я и жадно втягиваю в рот сосок, одновременно лаская пальцами низ ее живота и неумолимо спускаясь ниже. Ответная дрожь нетерпения проходит по обнаженному женскому телу, инстинктивно выгнувшемуся навстречу моим прикосновениям. Приподняв голову, я заглядываю в раскрасневшееся лицо Гордеевой, сжимая ладонью грудь и потирая сосок подушечкой большого пальца. Другая рука бесцеремонно обосновывается между раздвинутых ног и переходит в активное наступление.

— Наши желания начинают совпадать, Эми? — чувственным полусшепотом спрашиваю я, намеренно неторопливо и осторожно поглаживая горячие складочки. Наклоняюсь так, чтобы наши губы почти соприкасались, неотрывно глядя в насыщенные-черные, словно маслины, зрачки.

— Ты хочешь меня сожрать, а я хочу тебя убить, — опаливая меня горячим дыханием, огрызается моя неудовлетворенная распаленная злючка.

— Неправда, ты хочешь, чтобы я тебя трахнул, девочка. Давно хочешь. Бесишься, но все равно течешь, когда даже просто думаешь обо мне, — ухмыляюсь я и резко заталкиваю в нее два пальца, ощущая, как влажные мышечные стенки плотно сдавливают фаланги. Охренеть, как узко, несмотря на обилие смазки, но я знаю, что поможет маленькой тугой девочке максимально расслабиться. Сделав несколько ритмичных движений внутрь и наружу, сгибаю пальцы внутри ее лона и начинаю усиленно стимулировать верхнюю стенку. Ориентируясь на прошлый опыт, меняющие высоту постанывания Эмилии и инстинктивные реакции ее тела, я безошибочно нахожу взбухшую пульсирующую эрогенную точку, которая чувствительна далеко не у всех. Несколько интенсивных надавливаний, и Эмилия громко вскрикивает и впирается когтями в мое запястье. В глазах изумление, губы дрожат.

— Не надо, — в ее голосе звучит непонятное мне отчаяние. Она пытается сдвинуть ноги, но пара умелых движений, и они распахиваются сами. — Боже, Эйд, прекрати. Я сейчас..

— Я не дам тебе кончить, пока сам этого не захочу, — «успокаиваю» я явно стыдящуюся своей отзывчивости гордячку, что в очередной раз ставит меня в ступор. Разве опытная женщина ведет себя так скованно? Разве она будет бояться оргазма и сопротивляться удовольствию?

— Ты прекрасна, детка. Выкинь все из головы. Здесь нет никого, кроме нас, — выдаю я, повинувшись какому-то нелепому наплыву нежности.

— Ты уже это говорил, а потом угрожал мне распространением видеозаписи. «Никто не узнает», — повторяет слово в слово мою фразу, которую я произносил в образе бармена, запавшего на гостью лайнера. Злопамятная кошечка. Показы-

вает коготки и одновременно подставляется под ласкающие ее пальцы.

— Нет никаких записей, детка. Я их стер сразу же, как получил. Я похож на того, кто позволил бы сунуть нос посторонним в свою личную жизнь?

— Ты... — начинает шипеть Эмилия и срывается на стон, сильнее пригибаясь назад и елозя попкой по шелковому покрывалу. Черт. Невыносимо смотреть на то, как мои пальцы вбиваются в текущее лоно с развратно с хлюпающими звуками, не имея возможности даже дрончить.

Я представляю, как она будет кричать и биться во время оргазма, и возбужденный орган сильнее натягивает ткань брюк, заставляя меня до скрипа стиснуть зубы. Чтобы как-то облегчить свои мучения, вжимаюсь пульсирующей эрекцией в боковину матраса, хотя я с большим удовольствием натянул бы на свой член дерзкий рот Гордеевой. Но всему свое время, как говорится.

Облизав пересохшие губы, я провожу языком по губам Эмилии и врываюсь внутрь, заглушая судорожные хриплые стоны. С грудным рычанием пожираю податливый рот, трахая его языком, пока мои пальцы ритмично вбиваются снизу. Она уже близко, дрожащая и чертовски мокрая, а я хотел помучить ее подольше.

— Да тут целый потоп, детка, — оставив в покое истерзанные губы, я смотрю на задыхающуюся, вспотевшую от борьбы с собственным телом Гордееву, успевая словить выражение мучительного напряжения на ее лице. — Не похоже, чтобы прошлой ночью тебя хорошо оттрахали, Эми, — озвучиваю свои наблюдения. Она распахивает потемневшие глаза, устремив на меня удивленный взгляд. — Ты не кончаешь с ним, детка? Я прав? Поэтому боишься со мной. Поэтому дерзишь и убегаешь. Тебе страшно, девочка, — опустив голову, я облизываю сосок, глядя в пылающие глаза Эмилии. — Думаешь, это будет что-то значить? Что ты захочешь большего, чем просто секс и контракт?

— Замолчи! — кусая губы и комкая в кулаки покрывало, рычит на меня оскорбленная горячка.

Я втискиваюсь между ее бедер, продолжая усиленно трахать ее пальцами.

— Но это же так и есть, девочка. Ты трусиха, а не уверенная в себе расчетливая деловая сука, способная выжать из ситуации всевозможную выгоду. Ты же могла, детка. *Я бы все тебе дал. Сам.*

— И ты дашь, Эйд. *Клянусь, ты мне все отдашь!* — впиваясь когтями в мое плечо, обещает Эмилия и, откинувшись на спину, содрогается всем телом от накрывшей ее первой волны оргазма.

Я ни на секунду не отвожу тяжелого голодного взгляда от ее лица, пока она с криком кончает на мои пальцы. Меня самого мелко трясет от болезненного возбуждения, требующего удовлетворения, но ощущения, которые я испытываю, наблюдая за экстазом извивающейся в моей постели горячки, гораздо сильнее и масштабнее банальной похоти. И это меня чертовски напрягает. Мое помешательство на этой девушке переходит все мыслимые и немыслимые пределы и становится опасным. Для нас обоих.

Наверное, правильнее было бы оставить ее сейчас с влажными бедрами и распятой гордостью, не давить сильнее, чтобы окончательно не разбить. Но я не смог, не ушел. Мое эгоистичное желание довести Эмилию до бессознательного состояния оказалось выше доводов рассудка.

И я довел. Языком, губами, пальцами. Заставил охрипнуть от криков, обрушив на неискушенную девчонку весь многолетний арсенал, приобретенный с умелыми дорогими шлюхами. Эмилия сто раз пожалела о глупой выходке с вином, на практике поняв, что я способен затрахать ее до хрипоты, независимо от наличия или отсутствия эрекции. Она умоляла остановиться, но у нее не было шанса. Я хотел вытравить из ее тела и мыслей всех, кто был до меня, заранее обрекая ее будущих любовников на провал. Я действовал жестко, расчетливо и испытывал темное удовлетворение, подводя ее к новой грани, выше которой она еще не летала. Эмилия этого не хотела, не просила меня показать ей звезды, это я должен был доказать ей, что лучший и других таких не было и не будет. Моя гребаная ахиллесова пята. Когда-то я использовал совсем другие способы, но мальчик вырос, а внутренняя потребность осталась и его методы стали гораздо жестче. Слишком часто мне приходилось выпрашивать

и умолять, а теперь я приказываю, беру или покупаю. Именно я создаю правила и условия, а не подчиняюсь им. И до Эмили Гордеевой мало кто решался сказать Адриану Батлеру «нет».

И она тоже больше не скажет. Я все для этого сделал.

— Эми, я еще не закончил с тобой, — негромко говорю я, когда, отдышавшись после очередного оргазма, Эмилия пытается сползти с кровати. Я сижу, прислонившись спиной к обитому черной кожей изголовью. По-прежнему в штанах и со стальной эрекцией, я собираюсь наконец-то заняться собственными потребностями.

— Мне нужно в душ, Адриан, — приглушенно шепчет Гордеева, пряча глаза и краснея от моего прямого взгляда, которому довелось сегодня рассмотреть ее в очень разнообразных ракурсах. Я не понимаю, как Эмилия может стесняться своей чувственности. Кончающая раскрепощенная женщина — это именно тот афродизиак, который держит в постоянной зависимости ее партнера.

— Мы пойдем туда вместе, — протянув руку, я обхватываю ее запястье и снова возвращаю на смятую кровать. — Позже, детка, — с улыбкой добавляю я, глядя в настороженные черные глаза.

— Что ты еще хочешь? Я больше не могу, — в ее голосе звучит усталость. Верю, что не может. Но...

— Хочу твой рот, детка. Я думаю, это будет честно, после того, как ты трижды кончила на мой язык.

Она застывает, с откровенным изумлением наблюдая, как я спускаю штаны, выпуская на волю возбужденный член.

— Не надо так удивляться, малышка. Ты уже с ним близко знакома, — ухмыляюсь я, рывком притягивая к себе. — Не будем тратить ни твое, ни мое время. Ты устала, а у меня уже дымится после нашей возни.

— Но я думала... — ее растерянность сменяется ужасом, и это мне совсем не нравится.

— Детка, тебе стоило поэкспериментировать на своем бывшем женишке, прежде чем сыпать мне в вино всякую дрянь. Быстро отсосешь, и мы закроем эту тему. Будем считать, что ты отработала свое наказание.

— Я не буду, — тихо произносит она, пытаясь освободить запястье из моей хватки. Что? Это шутка такая? Или она снова решила постебаться? Так момент неуместен.

— Тебе напомнить, что отказаться ты не имеешь права? — раздраженно спрашиваю я.

— Я не умею, — выдыхает Гордеева, отводя взгляд. С моих губ срывается нервный смех. Она точно издевается.

— Не делай из меня идиота! — рявкаю я, теряя терпение.

— Я говорю правду! — восклицает Эмилия с такой горячностью, что я бы поверил... если бы был малолетним дебилом, требующим минет с одноклассницы.

— Ты несколько часов назад кричала, что отсасывала своему мажору, — напоминаю я бесцветным тоном.

— Я говорила это специально, — возражает горячка, продолжая свою нелепую и надоевшую мне до скрежета зубов игру.

— А я поверил, детка, — резко отвечаю я. — Поэтому давай, работай. Деньги отрабатывать нужно. Ты вроде просила какой-то счет оплатить. Прямо сейчас и оплатим, после того как закончим. Только не предлагай мне альтернативы. «Просто трахнуть» не прокатит.

— Ты прав, Адриан. Я должна отработать, — бесстрастным голосом произносит Эмилия. — Согласно контракту, — добавляет сухо и, перекинув копну волос через плечо, опускается на колени и склоняет голову. Ее пальцы обхватывают мой раскаленный член, а горячие губы касаются налившейся головки. Наверное, в этот момент я должен быть удовлетворен неожиданной покорностью, но чувствую злость и раздражение, потому что вижу, как она заставляет себя, а это совсем не то, что мне нужно.

Эмилия

Адриан Батлер — чертов иллюзионист, только ему подвластны не предметы и реквизиты для фокусов, а истинные грани человеческой души, которую он легко распарывает и препарирует. И судя по дьявольским искрам, теплящимся на дне зрачков кристально-голубых глаз, он получает от процесса манипулятивной игры со своей жертвой маниакальное удовольствие.